
Зал ожидания
А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский
Зал ожидания

https://litres.ru/74826787
SelfPub; 2026

Аннотация

Тамара приходит в закрывшуюся турфирму, чтобы вернуть пассажирке перчатку. У дверей она встречает всех четырнадцать человек, которых накануне возила к Волге. Они ждут возврата денег и говорят, что автобус за ними так и не пришёл. Катя, дочь Тамары и гид той группы, подтверждает их слова.

Пока перевозчик теряет заказы, у одной из пассажирок требуют деньги, которые ей будто бы уже вернули за всю группу. Тамара решает проехать вчерашний маршрут ещё раз. Ей нужно выяснить, как подпись одной пассажирки стала доказательством полного расчёта и почему Катя помогла скрыть поездку.

Содержание

Глава 1. Четырнадцать 4
Глава 2. Общий вход 12
Глава 3. Чужая тарелка 18
Глава 4. Олина смена 23
Глава 5. Под кассой 31
Глава 6. Ключ от чужой двери 39
Глава 7. Две подачи 47
Глава 8. Место для разворота 54
Глава 9. Второй стол 61
Конец ознакомительного фрагмента. 71

А.М. Сунгурский
Зал ожидания

Глава 1. Четырнадцать

В пятницу Тамара пришла в «Ближний берег» с одной перчаткой. Указательный палец был зашит зелёной ниткой и уже ничем не гнулся. За него Тамара и держала перчатку, пока входила во двор.

— Вот вы где, — сказала Тамара.

Женщина с зелёной ниткой стояла у двери турфирмы. Накануне она сидела у Тамары за кабиной и дважды просила выключить печку. Перед обратной дорогой села боком на нижнюю ступеньку, выставила ботинки наружу и так ждала, когда последние пассажиры вернутся с берега. В автобусе стоял запах мандаринов. Эту перчатку Тамара вечером нашла между сиденьем и стеклом.

Женщина посмотрела сначала на руку Тамары, потом ей в лицо.

— Мне не надо.

— Так это ваша. Я видела, как вы с того берега шли. Одну надели, вторую в карман сунули.

— Не моя.

Она убрала за спину обе руки. Правая была в перчатке то-

го же тёмно-синего цвета. На левой Тамара успела заметить обручальное кольцо и розовый след от резинки на манжете пальто.

Тамара положила находку в карман куртки. Люди после поездок иногда не узнавали водителя. Искали его глазами над дверью или рядом с передним колесом, а спиной к ним мог пройти совершенно посторонний мужчина. Но женщина узнала её. Только что едва не сказала что-то в ответ и прикусила щёку.

Над дверью не светилось слово «берег». Провод от вывески свисал под козырёк. Вчера закрыли штору у кассы, когда Тамара привезла Катю забрать забытую сумку. Сегодня изнутри приклеили два листа. Один закрывал расписание, другой — телефон фирмы.

«Офис закрыт. Приносим извинения».

Под листами ещё виднелась фотография летней экскурсии. Мальчик с мокрыми волосами поднимал над головой лодочный жилет, держа его за обе лямки. Катя сняла мальчика, когда ездила посмотреть место для семейных групп. Тамара тогда пообещала Кате, что следующим летом возьмёт с собой внука. Они решили пока ему не говорить. До лета он успеет перестать бояться лодок или придумает себе что-нибудь другое.

Под козырьком стояло человек восемь. Ещё несколько спрятались от дождя в узкой боковой галерее. Кто-то перетащил туда скамью. На ней теперь помещались трое, хотя вче-

ра мужчина со складным зонтом сел ровно посередине и у него с обеих сторон остались свободные места.

Зонт Тамара тоже узнала, бордовый с белой оконной ручкой вместо утраченной родной. Он закрывался только с помощником. Тамара держала мокрый купол, мужчина с усилием дёргал ручку. Когда зонт наконец сложился, человек, ждавший за ними на ступеньке, сказал: «Теперь попробуйте закрыть капот». Все трое засмеялись, включая самого владельца.

Мужчина поднял локоть и вдруг отвёл взгляд, словно ему требовалось пропустить кого-то мимо.

У выхода из галереи сидела Зоя. Возле неё молчал муж в сером свитере. Вчера они оба ели из синей жестяной коробки. Муж успел доесть пирог и выковырять начинку из того края, который жена ему оставила. Сейчас коробку Зоя держала на коленях, ещё туже завязанную той же ниткой.

Тамара медленно посмотрела вдоль галереи. Стояли усач и долговязый парень в одинаковых замшевых куртках. Она вчера приняла их за родных, пока они у клуба не разошлись с порога в разные стороны, один к воде, второй за Катей. Кто-то уступил место женщине с тростью. Та упёрлась наконечником в землю и осталась стоять. За ней показались ещё две знакомые головы.

Тамара сосчитала четырнадцать.

Вчера, перед тем как завести автобус на обратный путь, она насчитала столько же. Катя поднялась по ступенькам по-

следней, встала у стойки и спросила, все ли на месте. Тамара сказала: «Садись, от твоего стояния никого не прибавится».

Теперь Кати под козырьком не было.

— Это вы за возвратом? — спросила Тамара.

Зоя поправила узел на коробке. Муж встал. Тамара подумала, что он сейчас поздоровается. Он приподнял скамью за один конец. Из-под ножки текла вода, и на Зоины ботинки летели брызги. Муж сдвинул скамью, сел и уже оттуда уставился на дверь.

Женщина с тростью ответила:

— Нам обещали быть здесь к десяти. Кто-нибудь есть у них внутри?

— Я тоже только что подошла. Вам за какой день обещали вернуть?

— За вчера.

Тамара вынула телефон. Управляющий «Ближнего берега» Михаил накануне перестал брать трубку ещё до выезда. Катя тогда объяснила, что он занят с группой, которую надо отправить в выходные. В новом сообщении от Михаила дело выглядело так, будто выходных вовсе не будет. «Тамар, по группе сам разберусь. Гене ничего не обещайте». Гена у них в гараже один распоряжался заказами. Тамара и так ему ничего не обещала.

— Вчера-то что случилось? — спросила она.

— Мы вчера не ездили, — сказала женщина с тростью.

Зоя тронула её за локоть. Женщина переставила трость на

другую сторону и повернулась к Тамаре всем корпусом.

— Какая поездка вам была нужна? — Тамара старалась спросить спокойно. Если здесь собрались за одну неделю из разных выездов, могло оказаться, что женщина говорит о каком-то своём деле. — Как называлась?

— «Четверг у Волги». На девять. У нас автобус не пришёл.

По краю козырька стекала капля за каплей. Тамара сделала шаг в галерею и остановилась перед женщиной, которая не приняла перчатку.

— А если мне обратиться к вам? Это я вчера за рулём была?

Женщина вдохнула с таким усердием, будто услышала за дверью движение. Но дверь оставалась закрытой.

— Автобус за нами не приехал, — сказала она.

Мужчина с зонтом тихо подтвердил:

— Так и было.

Во дворе на мокром камне была видна широкая тёмная дуга. Тамара почти каждый четверг брала здесь левее, чтобы не зацепить правым зеркалом край галереи. Вчера она тоже так проехала. Кто-то из ожидавших отступил в проём и удержал створку, пока она не выровняла колёса. Теперь Тамара вспомнила молодого в замшевой куртке. Он держал створку ногой и строил рожи пожилому усачу, который изображал регулировщика.

Она нашла его у стены. Парень не ждал вопроса.

— Я опоздал на работу, потому что простоял тут до поло-

вины десятого. Вчера. Мне кто это возместит?

— Там тебя никто и не спрашивает про работу, — сказала Зоя. — Надо взять своё и идти.

Муж посмотрел на неё. Она дёрнула нитку на коробке так сильно, что коробка стукнула о скамью. Один её острый угол оставил на доске светлую черту.

От двери пошёл мужчина с зонтом. Сначала Тамара подумала, что он покидает галерею, но он вышел во двор всего на два шага и показал телефон остальным.

— Сообщение есть у каждого. Запишите, когда кому пришло. Я сам запишу, если рука занята.

На ярком экране Тамара увидела дату. Успела прочесть и первые слова: «В связи с тем, что перевозчик не предоставил автобус». Мужчина опустил телефон.

Она набрала Катю. В телефоне пошли гудки, за спиной зазвонило.

Катя вошла со стороны ворот. Светлый дождевик был на ней застёгнут до подбородка. При ходьбе она придерживала ладонью круглый бок сумки, которую накануне нашли за кассой. Та так и не помещалась под дождевик. По мокрому боку тянулась полоска, где пряжка стёрла краску.

— Ты к ним пришла или от фирмы? — спросила Тамара.

Дочь посмотрела на дверь.

— Я договорилась, чтобы с ними рассчитались.

— Вот они говорят, что автобуса не было.

Катя не ответила. Она прошла под козырёк, задела краем

сумки стену и переставила сумку себе под ноги. Так делала в детстве, когда пыталась и не торопиться, и показать, что пришла надолго.

— На «Четверг у Волги» автобус не подали, — сказала она. — У людей есть сообщение. Мы всем разослали.

Тамара подошла ближе. На миг захотелось поднять голос, чтобы заставить дочь ответить ей одной.

— Ты вчера утром стояла на ступеньке и держала сумку обеими руками. Ремень в дверях зажало, я снова открыла. Потом ты села, я ещё сказала снять дождевик, сейчас тепло пойдёт. Вон у неё всё равно было жарко.

Женщина с одной перчаткой посмотрела на Катю. Та выслушала мать, придерживая расстегнувшуюся кнопку на манжете.

— Мам, — сказала она. — Автобус не приехал.

Мужчина с зонтом вышел из-под козырька, задел наконечником бордюр. Тамара повернулась на скрежет и увидела, что следом уходит Зоя с мужем. Нитка на её коробке развязалась, муж прижимал ладонью крышку. У самого выхода они обернулись одновременно, но никто из них не вернулся.

Тамара подняла руку, чтобы окликнуть их, и опустила. Вынула телефон, открыла вчерашний разговор с дочерью и сохранила его целиком себе в почту. За утренним сообщением, где Катя велела оставить свободным первый ряд, шли фотография её стоптанных ботинок и вопрос, не осталась ли сумка за кассой. По этим сообщениям она никому не дока-

жет, что автобус вышел со двора. Вчерашний лист заказа лежал у неё в кабине. Тамара вспомнила, как Катя просила не потерять его до конца поездки.

Она посмотрела на экран. Гена просил перезвонить.

Тамара пошла к воротам. Катя окликнула её, выбралась из-под козырька, подняла сумку и нагнала у створки.

— У тебя Гена лист забирал?

— Нет.

— Отдашь ему, вы мой номер сотрите. Ему моего номера там не надо.

Тамара взялась за створку, чтобы Катя могла выйти первой. Дочь так и осталась рядом.

— Ты мне его сама дала, — сказала Тамара. — Стой, сказала, я допишу. И дописала с утра при мне.

— Я помню.

Последние два слова Катя сказала настолько тихо, что их могла расслышать только Тамара. Та отпустила створку, и дочь испугалась, что её заденет, а не задело. Створка открывалась в другую сторону.

— Значит, помнишь, — сказала Тамара и пошла звонить Гене.

Глава 2. Общий вход

— Где ты? — спросил Гена.

Тамара свернула с улицы в арку, где машины проезжали по железной решётке. Решётка была хороша тем, что с одного её края можно было разглядеть дорогу, прежде чем выставить на неё нос автобуса. Пешеходам всё равно приходилось прижиматься к стене. Тамара подождала, пока выедет фургон.

— Уже у тебя. Ты заказ вчерашний забирал?

— Зачем мне его забирать, если ты ещё не сдала?

Гена ответил и повесил трубку. Из мастерской он вышел в рубашке, без куртки, с салфеткой, зажатой под мышкой. Тамара пожала ему руку, а он уставился на её пальцы. Потом вынул салфетку и протянул ей.

— Стружка, — сказал он. — Или краска. Об тебя теперь узнаю.

На ладони осталась полоска ржавчины со створки. Тамара оттёрла её и заодно вытерла большой палец о сухой край салфетки. Гена держал дверь, но в мастерскую её не повёл. Открыл дверь напротив. На ней было написано «Зал ожидания».

Ещё весной здесь помещалось всё ожидание: единственная скамья и кулер без воды. Теперь Гена поставил у стены стол и четыре стула. Пятый раздобыли на складе, и его мож-

но было узнать на ощупь по перекладине, которая загибалась внутрь. Тамара в первый же день ударилась об неё коленом и с тех пор садилась на этот стул боком.

На столе лежал телефон Гены.

— Они говорят, ты не приехала, — сказал он.

— И тебе говорят?

Он подвинул телефон. Сообщение прислал мужчина, который в субботу собирался везти несколько семей на праздник. Тамара знала этот заказ, автобус предстояло вымыть ей, а вести должен был другой человек. Мужчина спрашивал, правда ли вчерашних бросили у закрытой кассы, и просил подтвердить, что за его группой приедут. Внизу было переслано сообщение «Ближнего берега». В нём появился дополнительный абзац. Фирма обещала в течение дня объявить, как будет возвращать деньги за другие отменённые выезды.

— Он ещё и у них покупал, — сказала Тамара.

— На субботу у него свой автобус. Он за свой и спрашивает. Ты можешь его понять.

— Могу. Четырнадцать отвезла. Четырнадцать привезла. Катя с ними была.

Гена пожевал край губы и убрал телефон со стола.

— В листе адрес какой?

— Их двор. Дальше клуб у воды, там указатель. Назад туда же.

— Тамара, я видел заказ. Спрашиваю, какой адрес в листе, с которым ты ездила.

Она подумала, что он сейчас полезет к себе в стол, достанет другой заказ и будет по очереди показывать их ей, пока в одном не обнаружится отличие. Сделал иначе. Вынул ключи и положил на стол.

— Идём принеси. Ты лучше знаешь, куда сунула.

Автобус стоял у дальней стены, носом к воротам. По лобовому стеклу стекала мутная вода. Снаружи казалось, будто у руля лежит чья-то белая рука. Тамара поднялась в кабину, стряхнула с резинового коврика два листка с тополя и сдвинула белую тряпку. Заказ нашёлся в кармане на спинке её кресла. Когда неподалёку были пассажиры, она убирала туда бумаги не глядя, обратной стороной наружу, а затем всё время сама же вытаскивала их вверх ногами.

Телефон Кати был внизу, в поле для связи. Один ноль получился чуть приоткрытым. Таким же нулём Катя когда-то выводила девятки, и в первом классе учительница поставила ей пять за пример, в котором вместо ответа осталось лицо с одним глазом. Тамара накрыла номер ладонью, пока слезала обратно, чтобы лист не согнуло ветром.

— Вот, — сказала она.

Гена указал пальцем на верхнюю строку.

— Я это получил от Михаила в среду. Клуб, с девяти до шести, выезд от их дверей. Вчера за автобус получил. Сегодня мне его же клиенты пишут, будто автобуса не было.

— От Михаила деньги?

— Заказ от Михаила. Деньги положили у меня на стол

после того, как ты вернулась. Я на складе был. Думал, он приезжал, я ему на вечер оставлял. Утром спросил, откуда человек знал, куда класть. Он не ответил.

— Не знаешь, кто привёз?

— Нет.

Гена остался стоять у стола. Тамара снова села на пятый стул и расправила лист на коленях. В клетке на верхнем крае Михаил указал время до шести. Они вернулись раньше. Кате пришлось ждать на стоянке, чтобы потом сходить за сумкой, и пока она ждала, Тамара ела из пакетика остывшие сырники. Пакетик она успела выбросить, прежде чем поняла, что в нём осталась салфетка с записанным домашним телефоном новой автомойки.

— Катя просила её номер убрать, — сказала она.

Гена сел на ближайший к выходу стул. Тамара видела его руки на спинке соседнего.

— А ты что?

— Не убрала.

— Давай я от неё сам услышу, зачем.

— Мне тоже хочется самой услышать. Гена, я по заказу ездила. Туда и обратно. Ты лучше скажи, что мне лично надо сделать.

— Подпиши, что ездили. Одну строчку, с датой и откуда забрала.

Он встал, вышел и вернулся с листом из блокнота. Тамара взяла ручку.

— Напиши, что без происшествий, — добавил он.

— Там была остановка у клуба.

— Она в заказе есть.

— Была ещё одна. До клуба, пока мы туда ехали. И возле него я задом подавалась, они просили встать с другой стороны.

— Мне нужно, чтобы автобус не пропал у тебя между воротами и дорогой.

Тамара написала дату и «Подавала». Взглянула в заказ и убрала ручку.

— Про клуб потом напишу. Дай сначала вспомнить ту остановку как следует. Я им дверь открывала. Кто-то выходил.

Гена взял лист и прочитал, что на нём было. Восемь букв и дата.

— Есть до обеда.

— У меня рейс в половине первого.

— Отдам Валере. Успеешь до первой поездки завтра?

Тамара подняла голову. На стене за Геной висел календарь с фотографией автобуса, принадлежавшего другой фирме. Гена купил его потому, что дни в нём видны от дверей. Валера давно просил дать ему эти два коротких школьных рейса. Из-за них он вставал до будильника и в начале недели сам прикручивал детское сиденье у себя в машине, чтобы приезжать сюда уже после школы.

— Какой первой поездки? — спросила она.

— Завтра посмотрим.

Она положила свой лист на стол и прижала его телефоном.

— Тогда сейчас напишу, что могу подтвердить. Остальное допишу, если будет о чём.

Гена перевернул телефон экраном вниз и пошёл к двери. Через несколько секунд он распахнул её снова.

— Тебя женщина искала. Вчера вашими воротами интересовалась. Как выйти, пока вторая створка закрыта. Я ей объяснил, она, кажется, ничего не поняла.

— А мы с ней знакомы?

— Спрашивала, где тебя найти, если ты далеко уехала. Дальше сама реши.

За дверью стояла женщина с тростью. В руке у неё висел небольшой прозрачный пакет. В нём лежала согнутая бумажная праздничная тарелка с картинкой. На картинке тянулись буквы слова «Поздравляем». Один край загнулся внутрь, как перекладина пятого стула.

— Мне сказали, тут можно подождать, — сказала женщина.

Тамара убрала со свободного стула сумку.

— Тут можно.

Женщина села и прислонила трость к стене. В пакете под тарелкой шуршало что-то бумажное. Она перебрала края через целлофан и взяла пакет обеими руками.

— Я вам могу сказать, где мы останавливались, — произнесла она. — Только вы раньше меня туда не езжайте.

Глава 3. Чужая тарелка

Тамара придвинула к женщине стакан воды.

— Я ещё сама не решила, куда поеду.

— Так не решайте до обеда. Я к вам вернусь. Вера Николаевна меня зовут. Если не можете запомнить, просто Вера.

— Я Тамара.

— Знаю. У вас над дверью было. Белыми буквами.

Табличку с именем Тамара унесла из автобуса в понедельник. Расклеилась, и прозрачная половина всё время шлёпала по закрытой двери. Вера могла увидеть её раньше. Тамара посмотрела, свободны ли в зале другие места, хотя больше никто так и не вошёл.

— На моём автобусе вчера имени не было.

— У вас не было, у дочери вашей было. Над дверью написано «Тамара». Она показала.

Когда Вера ставила стакан, рука у неё дрогнула и вода плеснула на клеёнку. Тамара протянула ей салфетку.

— Катя где вам это показала?

— Я же у неё в телефоне смотрела. Она мне автобус показала, чтобы я знала, куда садиться. Там табличка была. Я ей сказала, мне за водителем плохо видно. Она оставила мне место у средней двери. И весь день, кстати, хорошо было видно.

Тамара посмотрела на дверь. В коридоре Гена говорил с

кем-то по телефону, пока негромко. Отсюда было слышно, когда он делает паузы. Она окликнула его, дождалась, пока он заглянет.

— У меня здесь пассажирка четверговая.

Вера взялась за трость. Стакан на столе успел оставить мокрый круг.

— Николаевна, — сказала она.

— Геннадий, — ответил Гена и кивнул ей. — Вы остаться хотите или вам выйти помочь?

Вера отпустила трость.

— Хотела остаться. Сидеть удобнее.

Гена сел у края стола. Ручку держал под ладонью, так что её почти не было видно.

— Вы сегодня были у «Ближнего берега»? — спросил он.

— Была.

— Тамара говорит, вы вместе вчера ездили.

— Вместе. Вы тут пишете всё, что ли?

Гена поднял с клеёнки ладонь. Под ней оказалась его рабочая ручка, обмотанная пластырем. Листа перед ним не было.

— Могу написать, если вам нужна копия, — сказал он.

— Пока не надо. Мне домой надо сходить, а я здесь сижу. На сентябрьскую поездку я четырёх девочек собрала. Они с нами меньше года ездят. Показала им, где встречаемся, где деньги отдавать. Одну муж привёл. Сам поехал бы, говорит, да у него на работе отпуск не дают. Сегодня эта девочка ме-

ня спросила, сколько ей вернули. Я сказала: «Пока ещё выжидаем». Она мне в ответ: «А чего вы ждёте, если всё уже получили?» Она мне бумагу показала. С моим именем. Я такую не подписывала.

Тамара подождала, пока Гена уберёт ручку в карман.

— Вы эту бумагу с собой взяли? — спросила она.

— С телефона она мне показывала. Я не в очках была. Фамилию вижу, число вижу. Восемь издали видно, там два круга.

— Как бы нам посмотреть вместе с вами?

— У неё просите. Я вам чужой номер давать не стану. Та девочка у меня одна такая, остальные пока спрашивать стесняются. Да и я сама хочу знать, с чем они ко мне придут.

Она прислонила трость к краю стола и вынула из пакета помятую тарелку. Под ней оказались два сложенных листа. Тарелка была запачкана с краю, к пятну прилип кусочек скотча. Вера не расправила её. Подала как была, ухватив за чистый край.

— Вчера я вам эту тарелку давала подержать. Сидела, обувь поправляла, вы её на место положили. Вспомнили?

Тамара поднесла тарелку к окну. У буквы «м» не хватало одной ножки. Накануне она долго пыталась убрать эту складку большим пальцем, пока Вера шарила у порога тростью. Потом увидела через лобовое троих человек у киоска. Они спорили, кому нести в автобус покупку, завёрнутую в бумагу. Третий и без покупки держал большой лёгкий короб с

прорезью, перехватил его снизу и шагнул к автобусу. Катя вышла, взяла короб у него и попросила Тамару открыть наружный багажник. На передних ступеньках стояла Вера. Тамара отдала тарелку ей и вышла к багажнику.

— Возле булочной, — сказала Тамара.

Вера постучала пальцем по нижнему листку.

— Мой племянник там работает. Раньше выпекали на месте, сейчас им привозят, а они продают. Я просила племянника отложить пирожные, он забыл. Взяла пирог. Попросила тарелки, дали одну на всех.

Гена наклонился над тарелкой и так же быстро выпрямился.

— Вот пусть племянник нам скажет, во сколько ваш автобус пришёл.

— Он вчера не работал. Ему-то как раз сказать нечего.

Вера подалась к столу, прибрав тарелку к себе. Тамара увидела, что пальцы у неё больше не дрожат.

— Так что вы хотите успеть до нас? — спросила Тамара.

— Женщина за стойкой вчера спросила, за кого я в сентябре деньги собирала. На тарелке мне их фамилии записала, пока я не сказала, что сама помню. — Вера перевернула тарелку. На донышке было две короткие строчки синей ручкой. — Вот из-за неё я и дала вам подержать. Она сказала, будет звонок про возврат. Свой телефон я ей оставила. Сегодня она уже звонила. Теперь хочет посмотреть бумагу, где стоит моя фамилия. А у Оли я ту бумагу даже не попросила.

Дайте нам сначала самим поговорить. Если она согласится показать снимок, я вам позвоню.

— И вы нам скажете, где?

Вера кивнула, заправила два сложенных листка под тарелку.

— Запишите мой номер, — сказала она. — Всё равно придётся его знать.

Тамара вынула телефон. Вера продиктовала цифры, потом посмотрела на Гену.

— А вчера автобус был, — добавила она. — Вы это тоже запишите. Если надо, я повторю при людях. А куда я поехала, про это пока при мне спрашивайте.

Глава 4. Олина смена

Объяснение Тамара дописала на том же листке, оставив старое «Подавала». Ниже перечислила остановки так, как их помнила: у булочной перед поворотом к реке и у клуба. Гена прочёл, попросил приписать, что вернулась она в Кострому с той же группой. Тамара приписала. Про то, что все благополучно доехали, осталось пусто.

— Никого не потеряла, — сказал Гена. Он спросил глазами, может ли взять лист.

— Всех привезла, — ответила Тамара и отпустила край.

Он сделал для неё копию и ушёл звонить мужчине насчёт субботы. Тамара слышала, как по соседству начался разговор. Гена поздоровался, подождал, сказал: «Мы вас привезём». Потом ещё раз и почти с той же интонацией: «Мы вас привезём».

Она списала себе с листа номер заказа, убрала копию в сумку и стала застёгивать куртку. Вера сидела напротив и по одному расправляла листки из пакета. Тамара ожидала, что она сейчас уберёт их и встанет. Вера пригладила краешек под мокрым стаканом, прервала движение и сказала:

— Оля сегодня до шести. В обед у неё ровно полчаса. Из них десять минут она мне отдаст, если договорюсь.

— Договоритесь на столько, на сколько вам надо. Я к булочной пока не пойду.

Вера кивнула и опять провела рукой по бумаге.

— С вами легче было бы сказать, что мы вчера куда-то ездили.

— Вы ей этого ещё не сказали?

— Она и без меня знает. Я вот ей семь лет назад сказала, что голубцы у неё вкусные. Она с тех пор на каждый мой день рождения приносит. А мне капусту нельзя. Мне легче вам целый рейс рассказать. Своим скажи хоть такое, хоть другое, они всё равно будут считать, что знают, почему ты так делаешь.

Вера убрала листки в пакет.

— Я вам напишу, когда поговорим, — сказала она. — Вы можете тогда прийти?

Тамара вспомнила о школьном рейсе, который уже отдали Валере. Сказала, что может, и вышла из зала. У неё оставалось два часа до того самого рейса, который в этот раз состоялся бы без неё. Взять вещи из автобуса она успевала. Гена держал ключ в замке конторы. Тамара оставила его там и вернулась в кабину через открытую боковую дверь.

В рундуке за креслом лежали жилет, перчатки для багажника и недочитанная книга про деда, у которого на острове украли козу. Тамара обычно читала такие книги на остановках. В тот раз дед переплыл пролив и четыре страницы беседовал с человеком, у которого тоже не оказалось козы. Тамара продолжала держать книгу в рундуке из уважения к тому, кто первым догадается посмотреть, не заблудились ли

обе козы вместе.

Жилет она повесила за креслом. Книгу сунула в сумку с копией заказа. На месте, где вчера стояли Верины ботинки, темнело пятнышко от соли или от засохшего сахарного сиропа. Тамара достала тряпку, смыла пятно, вернулась с тряпкой к двери и подумала, что сейчас, если захочет, может оттереть весь вчерашний день от автобуса. Никому ничего не будет видно, кроме неё, уже выучившей расположение пятен. Ей захотелось ещё раз сесть за руль, но вернулся Гена. Он поднял руку и позвал Валеру, который вышел из мастерской с ведром.

— Топлива у неё сколько? — спросил Валера.

— Достаточно. Скажи, если надо будет долить.

Он поставил ведро рядом с передним колесом.

— Я знаю, что тебе не хочется отдавать. По правилам я бы сейчас у тебя принимал только ключи.

— Ключи у Гены. Смотри, чтобы крышку у ведра не сдуло.

Валера прижал крышку ногой. Потом, уже когда Тамара отошла, поднял ведро и тоже перенёс внутрь. Ведро ударилось о ступеньку тем звуком, которого она не любила. Хотела предупредить, что она за ступенькой следит и просит быть поосторожнее. Промолчала и пошла к воротам.

На углу была аптека. Тамара забрала заказанные для матери полоски пластыря, села на улице под навесом и впервые за день начала есть. Пирожок стыл в бумаге. Из магазина напротив вышла женщина с сеткой картошки, подняла её пе-

ред собой и рассмеялась, когда увидела, что ручка снова вытянулась. Она вызвала кого-то с телефоном и, пока тот шёл, благодарила сетку. Тамара ела пирожок по краешку, отламывая то, что ещё хрустело, а мягкое складывала обратно.

Вера позвонила без четверти час.

— Я рядом с почтой. Оля у задней двери, в куртке. Она разрешила вам посмотреть, если не будете спрашивать ни у кого из её работы.

До почты Тамара дошла пешком. В боковом проезде пахло мокрым картоном. У закрытой служебной двери стоял поддон, обёрнутый плёнкой. Молодая женщина переставляла поддон носком сапога под самую стену. Увидела Веру, вынула из уха наушник и убрала его в карман. На Тамару только скосила глаза.

— Всё-таки приезжала? — спросила она у Веры.

— Приезжала. Пятнадцать минут назад я тебе сказала.

— Я теперь ей задаю. Нам в чате говорят, что водитель не приехал. Я хочу знать. Вы за Верой Николаевной ездили?

— Ездила. Она с группой села у «Ближнего берега». Я привезла её назад вечером.

Оля выслушала. Вера не смотрела ни на неё, ни на Тамару. На стене вокруг двери был кособокий след от старой таблички. Вера смотрела на этот след.

— Значит, мне в фирме соврали, — сказала Оля. — Вы с ними разговаривали?

— Видела закрытую дверь.

Оля потянула поддон ещё раз. Поддон не хотели двигать две ножки, одна попала в лужу. Тамара подошла, подняла край, который та толкала, и вместе они переставили его под выступ. Вера подняла с поддона пустой рукав из плёнки. Оля взяла рукав из её руки и положила под доску, чтобы он не улетел. Только потом достала телефон. Телефон был в чехле с толстым жёлтым углом.

— Мне это прислали, когда я спросила, где деньги за сентябрь. Тогда с Верой Николаевной и поругались. Я говорила, давай вместе узнаем. Она говорит, все уже на месте, скоро получат. Теперь вот смотрите.

Экран пришлось прибавить. Оля удержала фотографию двумя пальцами, пока Тамара читала. Наверху листа было напечатано «Лист расчёта с группой». Ниже виднелись фамилия и инициалы Веры, дата — 8 октября. Справа не вполне чётко читалось «возврат получен», а ниже тянулась линия, перерезанная чьим-то росчерком. Левая часть листа на фотографии была чуть светлее правой. Тамара прочитала три фамилии в столбце, четвёртую заслонял ноготь Оли.

— Сумма там есть? — спросила она.

— Вот обе цифры, — сказала Оля и подвинула изображение. — Три тысячи сто — это мои. Вот столбик. Здесь за всех. Если ей вернули всё, мне нужны мои. Я их не у неё заняла.

— Это не та бумага, — сказала Вера. Она вытащила один из сложенных листков. — На той у меня сверху было за кого.

Дайте я хоть близко посмотрю.

Оля протянула телефон, придерживая его снизу. Менялись места: Вера подошла к двери, Оля отступила, чтобы не закрывать свет. Вдвоём они разглядывали угол снимка, в котором ничего не было, кроме окончания подписи. Тамара держала Верин пакет с тарелкой. По дну пакета скользил карандаш. Когда Вера выпрямилась, карандаш упёрся концом в тонкую плёнку.

— Моя фамилия, — сказала Вера. — И за меня кто-то действительно всё получил?

— Я спрашиваю у вас, — ответила Оля.

Вера повернулась к ней. Тамаре показалось, что Вера сейчас скажет, сколько получила. Вера сильнее сжала рукоять трости.

— Твоих трёх тысяч ста у меня нет. У меня есть деньги, которые нам дали на всех. Могу показать. Только люди сразу решат, что я остальные оставила, если ты им эту фотографию разошлёшь.

Оля перестала удерживать фото двумя пальцами. Изображение уменьшилось. Тамара сбоку увидела настоящую рамку: край стола посередине, верхний угол листа лежал на чём-то клетчатом. В кадр попал не весь документ. Говорить, кто поставил подпись, при этом свете и на этом экране она бы не взялась.

— Вы от кого получили снимок? — спросила она.

— Из фирмы. Я позвонила, у них не взяли. Написала в тот

же разговор, где билеты покупали. Там даже имени нет, только название. В ответ прислали, написали: «По Вашей группе расчёт выполнен». А ещё прочтите, как вежливо потом извиняются. У себя в телефоне я это четыре раза открывала.

Из служебной двери донёсся короткий треск. Оля поставила поддон ногой плотно к стене. Внутри кто-то спросил, остался ли ключ у неё. Оля вынула связку из второго кармана и ответила, что сейчас зайдёт.

— Сегодня Вера Николаевна пойдёт со мной узнать про платежи, — сказала она Тамаре. — Дальше я решу, что кому показывать.

Вера нащупала тыльной стороной ладони край своего пакета. Тамара отдала пакет так, чтобы Оля могла придержать Веру за локоть. Оля, однако, взяла у неё пакет сама. Вера выпрямилась.

— Мы к Лидии Петровне зайдём, — сказала Вера. — В булочную. Я потом позвоню.

Оля дошла с ней до угла и отдала пакет. Тут же обернулась как человек, который вышел из дома и вспомнил, что оставил дверь настежь. Тамара ещё стояла у служебного входа.

— Если я перешлю, вы не отдадите всем сразу? — спросила Оля. — Я бы хотела, чтобы Вера Николаевна первой всё у них спросила. И на меня не ссылайтесь.

— Пришлите после разговора, если решите. Без фамилий в чужом чате можно спросить, что происходило в клубе.

Оля достала ключи и вошла внутрь. Вера оставалась на

углу. В сумке у неё что-то ударяло о ручку трости. Тамара издалека показала ей поднятый большой палец. Вера никак не ответила, только переложила пакет в другую руку. Когда она пошла, ручка трости уже перестала звенеть.

Тамара вернулась на остановку. Автобус, на котором сегодня ездил Валера, готовился пройти по перекрёстку. Она увидела знакомые габариты, подняла руку поздороваться и опустила, потому что тот перестраивался и занят был обеими зеркалами. У автобуса мигал правый, а не левый. Тамара теперь и отсюда знала, куда он поедет. Ей осталось ждать следующего.

Глава 5. Под кассой

У булочной прежде стояла железная стойка для велосипедов. Магазин уже назывался «Чай и хлеб», а стойка осталась. Тамара помнила, что в четверг один из её пассажиров, усач в замшевой куртке, вынес туда пустые ящики. Второй, в такой же куртке, проходил мимо и переложил их на бок. Что-то там они друг другу говорили. Вчера она подумала, что они здесь бывали. Она сама первый раз остановилась у этого тротуара и плохо знала, откуда с другой стороны будут люди.

Теперь стойка пригодилась одной женщине, нёсшей домой большой хлеб. Та поставила на перекладину сумку, присела, упираясь ладонью в колено, и стала переставлять тяжёлое ближе к ручкам. По мокрому тротуару стучали колёса хозяйственной тележки. Толкала её Оля. Рядом шла Вера с тростью.

— Она сейчас закрывается, — сказала Вера вместо приветствия. — Мне позвонила, я попросила подождать. Вы ведь недолго?

— Я сначала хочу, чтобы вы с Олей узнали своё.

Оля наклонила тележку, надвое сложила ручку и подняла колёса на сухой порог. Тамара придержала дверь. Стекло в ней было старое, зеленоватое по краю. Когда дверь открывалась, всё за ней на миг становилось светлым, как днём. Потом возвращался настоящий вечер.

В помещении остывало пустое витринное блюдо. Над холодильником работали часы. От их корпуса вниз шёл след, как от дурно вытертого пальца. У кассы стояла высокая женщина в стёганом жилете. Сначала Тамаре показалось, что женщина говорит по телефону. Она держала трубку у уха и обеими губами повторяла про себя цифры. Но трубка была выключена. Женщина положила её на стойку и взяла конверт из-под кассы.

— Вот. Ваши две заявки, — сказала она Вере. — Без чужих. Первую в сентябре отменяли, вторую к ней в счёт поставили. Это вы ещё с Мариной оформляли, я в тот день только деньги принимала.

Оля посмотрела на конверт и вывела свою тележку из прохода.

— Я один раз платила. Никто мне второй не показывал.

— Вам и не надо было снова платить. Пробовали вас перенести на другой день.

Лидия Петровна вынула из конверта один лист. Вера преждевременно взяла его за середину, и бумага сложилась вдоль. Лидия Петровна отпустила край, посмотрела на Тамару и поправила жилет.

— Вы с ними приехали или отдельно?

— Отдельно. Я вчера автобус вела. Подождать на улице?

— Пока стойте. Не хватало мне ещё глаза отрывать, кто куда идёт.

Тамара осталась у прохода. Оля сняла перчатку, листнула

телефон. Лидия не подошла ближе, пока не увидела, что Оля выставила экран на светлое место.

— Вот это мне сегодня прислали.

У Лидии Петровны приоткрылся рот. Она потянулась за телефоном, но остановилась, не коснувшись. Оля передвинула его сантиметров на десять.

— Вы сделайте покрупнее, — попросила Лидия Петровна. — Там угол снизу. Кто вам прислал?

— Из фирмы.

— Понятно. А кто там сейчас отвечает?

— Не представились.

Лидия Петровна убрала руку и села на высокий табурет. Из-под него выкатился картонный цилиндр. Тамара придержала его ногой, чтобы груз не задевал Олину тележку. На цилиндре было написано «Для рулеток». Тамара тут же подумала о ленте для длинной линейки. Потом прочла снова. «Для рулетов».

— Моя фамилия вон, — сказала Вера. — И, видите, столбик пошёл под чужую.

Лидия Петровна подумала, опустив голову. Потом взяла кусок чистой пекарской бумаги, которым прежде прикрывала конверт.

— То, что я вам достала, это ваш заказ, — сказала она. — Фамилии на обороте. А лист на телефоне я впервые вижу. Под ним не подпишусь, если вы за этим.

— У вас тут кто-то вчера деньги давал? — спросила Оля.

— Где тут?

Оля показала рукой вокруг, захватив жестом и холодильник, и остывшее блюдо. Вера поджала губы. Тамара поняла, что Вера не успела рассказать почти ничего, кроме того, что ездила, и что здесь обещали потом позвонить.

— Знаю, что к автобусу короб вынесли, — сказала Тамара. — С прорезью. Его моя дочь забрала.

Лидия Петровна сдвинула табурет так, что он заскрипел.

— Юра вынес. С его смены сняли, а он потом ещё на автобусе его искал. Говорил, может, посередине там надо было открутить кнопку, не вошло бы в багажник. Он с такими автобусами не работал.

— Вы его собрали?

— На полке он стоял. Бумаги в него положила я, вынес Юра. Большой ящик, давно никому не нужен. Для викторины собирали, в крышке прорезь под купон. А бумаги сюда принесли потому, что в офисе у них лампы перегорели, всё разбирали у меня под рукой.

Оля выпрямилась.

— Чьи бумаги?

— Заявки. Списки, сделанные при мне. Вера свои видит. Вчера забрали те, по которым договорились возвращать. Вере я позвонила, потому что её фамилию нашла ещё на одном экземпляре, который остался. Мы вчера разговор не окончили, автобус их увёз. Я не знала, что вернут.

— А второй экземпляр кому?

Лидия Петровна посмотрела на лист, который Вера держала на сгибе.

— Сейчас это ваш, — сказала она. — Показывайте его кому хотите. Я могу на нём написать, что по нему принимала, если вам нужно. В другом расписываться не стану.

В дверь толкнулись снаружи. Женщина, у которой Тамара по дороге видела хлеб, вернулась с пустой сумкой. В правой руке она держала мокрую купюру, расправленную во всю ладонь.

— У вас деньги остались, — сказала она Лидии Петровне. — Я на стойке оставила отдельно, сдачу и всякие бумажки. В сумке нашла, сама не знаю как.

Лидия Петровна слезла с табурета, вышла из-за кассы и посмотрела.

— Это у вас двести, — сказала она. — Сдача ваша, вы тысячу дали.

— Вот вы мне ещё сказали, куда лучше положить. Я и положила. А потом думаю, почему у меня денег побольше.

Лидия Петровна посмеялась. Женщина свернула купюру пополам, снова расправила и в конце концов сунула в карман, пока никто ей не мешал. Когда та вышла, Лидия Петровна придвинула к Оле бумагу из конверта.

— Хотите найти сумму, берите ваш собственный лист за сентябрь. Вот она вас записала сюда. Всё остальное того, кто прислал, спрашивайте.

За стеклом на двери появилась белая линия, магазин на-

против включил вывеску. Тамара положила цилиндр возле табурета. На выходе она спросила Лидию Петровну, отдавали ли короб с деньгами. Мимо протиснулась Оля с тележкой, и вопрос остался на секунду без ответа.

— Я бумагу сложила, — сказала Лидия Петровна. — Пачку принесла из-за холодильника. Если дальше кто-то деньги туда положил, меня рядом не было. Ваша дочь спросила меня тогда: «Семён лишнее забрал?» Я ей ответила: «Ваш Семён сам знает, что забрал». Не знаю никакого Семёна. Потом у тротуара увидела усатого, он пластик убирал. Может, это он, а может, кто другой.

Тамара кивнула. Лидия Петровна держала дверь, пока все не вышли. За спиной у неё ожил холодильник. Лидия Петровна равнодушно оглянулась на него и спросила Тамару, не осталось ли в автобусе той большой коробки. Если не нужна, хозяйка велела сдать всё лишнее с картоном.

— Поищу, — ответила Тамара.

Ей на секунду захотелось добавить, что Гена не разрешит выкидывать чужие бумаги, даже если это всё им самим теперь мешает. Но о бумагах в коробе можно было говорить только со слов Лидии Петровны. А кто его принёс в клуб и кто утащил обратно, Тамара ещё не знала.

Оля ждала Веру у стойки для велосипедов. Её тележка накренилась, и она поставила ногу за колесо, чтобы та никуда не уехала. Вера стояла к Оле очень близко, на свету от вывески. Подняла руку, что-то показывая на листе. Оля прове-

ла по нему ногтем от верха до низа. Тамара подошла, когда они закончили.

— Вера Николаевна, — сказала Оля. — Ну вот. Я записана как Громова, а я Севостьянова. Громова — это я когда училась. Мне же не один день как замужем. Паспорт вам приносила.

— Я тебя с их старого листа выписала.

Тамара видела, как Вера смотрит на две бумаги в своих руках. Оля взяла их обе и развернула так, чтобы свет попал на нижние строчки. Тогда Вера посмотрела Оле в лицо.

— Твой платёж я видела. Не надо меня этим паспортом попрекать. У нас и другие женщины под девичьей фамилией записаны. У них на всех эти листы были.

— Чем же мне тогда ещё вас попрекать? Мне чтоб мою бумагу прислали, я фамилию два раза написала. И мне всё равно ответили, что деньги вы получили.

Вера положила руку на ручку тележки.

— Если всё получу, принесу, — сказала она.

Оля наклонила тележку к себе, позаботилась, чтобы Вера сперва убрала руку, и только потом потянула за ручку.

— Я завтра сфотографирую наши две заявки. Дома лучше видно. Поправьте пока фамилию у себя. И давайте вместе запишем, сколько у вас есть.

Вера заново развернула лист, достала из пакета карандаш. Он был короткий, ластика почти не осталось. Она стёрла одну букву, присмотрелась к бумаге и снова подняла голову.

Тамара оставила их у фонаря. Когда она вышла к остановке, уже светились все окна в автобусе. Она могла бы войти через переднюю дверь, но сзади на тротуаре образовалась очередь. Тамара подошла к последней женщине и встала за нею. Женщина расстегнула на руке перчатку и сказала:

— Если двери не откроют, я сразу пойду к передней. Вы не думайте, что я лезу без очереди. Я здесь стояла.

Тамара жестом показала водителю на заднюю дверь. Тот, кажется, не заметил. Тогда она сама двинулась за женщиной, не давая никому пройти между ними, пока очередь искала, где сесть.

Глава 6. Ключ от чужой двери

В подъезде Катиного дома пахло картошкой и той краской, которой прошлой весной покрасили перила. Краска перестала пачкать одежду, но запах остался. Тамара по привычке взялась за прут, а не за поручень. На второй площадке ждал Мишка. Куртка на нём была застёгнута наискосок, в руке он держал красный фонарь.

— Зажги, — сказал он.

Тамара нажала кнопку. Вместо света раздался короткий писк.

— Ещё, — велел Мишка. — Через бок.

Она попробовала нажать через ребро корпуса. Фонарь вспыхнул у неё за пальцами. На потолке оказалось небольшое красное пятно с дыркой посередине.

— Я есть хочу, — сказал Мишка.

— Куртку снял бы. Дома будем есть.

— Дома уже поели. Я тебя встречаю.

За его спиной открылась дверь. Катя вышла в носках и домашних брюках, со снятой с плиты крышкой в руке. Поставила крышку на табурет в прихожей, взглянула на сына.

— Ты обещал у коврика стоять.

— Я стою у коврика. Другого.

Тамара забрала фонарь. Мишка расстегнул куртку, вывернул рукав и попытался снять её, пока Катя держала дверь.

Вдвоём они справились. Тамара жила на соседней улице, а фонарь он всякий раз хотел проверить именно у себя на лестнице. Здесь между этажами было больше места. Пока все входили, она посветила в прихожую, чтобы он отыскал запасные батарейки. Мишка нашёл их за сапогом и положил в чашку. Тамара отдала ему фонарь, и он побежал к себе.

Катя повторила про картошку. Тамара сняла куртку, вытащила из кармана синюю перчатку с зелёной ниткой и положила её на полку.

— Это у вас кто-то оставил, — сказала Катя.

— Как её зовут?

Катя откинула волосы со лба.

— Анна. От Садовой они.

— Ты с ней говорила после меня?

— Про перчатку?

— Про всё.

Катя подняла крышку и понесла на кухню. Положила рядом с кастрюлей, из которой ещё шёл пар. В кастрюле было несколько варёных картофелин и одна луковица, сваренная для запаха. Катя ловила картофелины ложкой, накладывала на две тарелки. Одну принесла Тамаре, вторую себе переставила на край стола.

— Я с ней говорила днём, — сказала она. — Анна спрашивала про следующую неделю. Я ответила, что пока всё в силе.

— Что в силе?

— Людям нужно вернуть деньги.

— Сама понимаешь, что я хочу спросить.

Катя съела половину картофелины. Запила холодной водой прямо из стакана, стоявшего у раковины. Тамара знала, что дочь налила его Мишке. Увидела два отпечатка маленьких пальцев на стенке и отвернулась, чтобы при виде этих отпечатков не сказать: «Ты мать, подумай». Мать из этого ничего нового не узнает.

— Вы написали, что автобус не приехал, — сказала Тамара. — Ты отправляла?

— С рабочего телефона я.

— Сама придумала?

— Михаил прислал. Там сначала только про отмену было. Я спросила, как сказать тем, кто в четверг ездил. Если они скажут, что автобус пришёл, свои решат, что только их не позвали. Тогда никто до денег не доберётся.

— И он тебе что?

— Дописал про перевозчика.

— За перевозчика в этом случае говорить мне. Ты знаешь, кто ехал.

Катя отломила край картофелины. На тарелке осталась одна пустая кожура, которую она не заметила, пока ела.

— Другим в тот же день и правда автобус не подавали, — сказала она. — Были люди, которые купили день на берегу, обычный. Кто собирал за группой деньги раньше, тех позвали на встречу. Нам сказали довезти их до клуба и обратно.

В этом вся разница.

— Ты мне у двери сказала, что мы туда не ездили.

— Мам, я помню, что сказала.

— Я тоже. Поэтому с тобой и разговариваю. Кто просил тебя подтвердить, что автобуса вообще не было?

Катя молчала. Тамара привычно привстала, чтобы поправить полотенце, лежавшее на батарее, и тут же села. Полотенце хоть и мятое, сохло без её руки.

— Павел сказал: пока нет расчёта, одна фраза для всех, — сказала Катя. — В фирме снимут долг со старых заказов, если люди дадут им повод. Им покажут экскурсию на фотографиях. Ну и скажут: вы же ездили, вам зачем деньги?

— Слова Михаила?

— Павла. Я видела, что люди хоть что-то получили. Лишь бы они до остатка дошли. Я ещё попросила, чтобы без этих конвертов несколько человек домой не уехали.

— Каких конвертов?

— Конвертов с деньгами, мам. Им у клуба часть раздали.

Из комнаты донеслось «у меня получилось». Катя повернула голову, но никто к ним не шёл. Потом тихо хлопнуло об пол что-то мягкое. Тамара потрогала вилкой остывшую картофелину. Она уже порвала её на четыре части и все четыре отодвинула к краям тарелки.

— У них ведомость какая-то была?

— Что-то подписывали. Я не следила, кто за какую фамилию. У них свои запросы. Пару человек деньги пересчитали.

— И где теперь бумага, по которой у них всё оплачено?

Катя поставила вилку.

— Какая бумага?

Тамара рассказала ей про Олю. Сказала, что видела только фотографию части листа, отсылать никому пока не будет. Катя слушала, подложив ладонь под согнутый указательный палец. Когда рука устала, она не сразу её убрала.

— Мне они все утром писали «спасибо», — сказала Катя. — Я думала, что теперь будут писать и спрашивать, за какое число им доплатят. Если сейчас в фирме говорят, что больше не должны, я пойду и повыясняю, кто это пишет.

— А пока написано, что Гена не подал автобус.

— Тебе разве Гена дал что-нибудь подписывать?

— Просил рассказать, что я сделала. Я рассказала. Он не велел мне чужие имена писать. От этого решится, кто у нас сядет в автобус на следующей неделе. Тебе ведь тоже кто-то в автобусе нужен.

Катя шумно выдохнула и встала. Взяла стакан, налила снова и вынесла сыну. Тамара слышала, как в комнате спрашивали, можно ли одну ночь оставить свет на лестнице. Катя ответила, что на лестнице общий свет. Мишка сказал, что он не про лампочку. Он опять хотел закрепить фонарь возле выключателя и направить в потолок.

На кухню Катя вернулась без стакана. Она вытянула из-под тарелки сложенный вдвое клочок фольги, в который были завёрнуты два куска хлеба. Один положила к Тамариной

холодной картошке.

— Я у тебя зарплату отнимать не хочу, — сказала она.

— Поняла. Ты хотела подождать за мой счёт.

Катя потянулась к краю стола, где остались крошки. Стряхнула их на блюдце, не поднимая руки. Тамара прикусила мякиш. Хлеб был свежий, его мягкая часть пружинила под зубами, и Тамара, разжевав, положила второй кусок прямо на тарелку. Она злилась и на себя за то, что хлеб ей вкусен.

— Не знаю, что у них было на бумагах. Хочешь, позвоню Павлу при тебе? — спросила Катя.

Тамара подумала и ответила:

— Звони. Только про Олю пока не надо.

Павел ответил в шумном месте. Кажется, у него за спиной кто-то перетаскивал металлическое. Катя сначала спросила, удобно ли ему, потом положила телефон между тарелками.

— У Веры люди спрашивают деньги. Что им говорить?

— Пусть с Верой спокойно усядутся и посчитают, — ответил Павел. — На дворе не надо. Там каждый будет говорить своей голове. У меня у жены сын не раз так посчитал, потом ещё два раза ездили свои деньги обратно возвращать.

— Они говорят, что у неё уже всё.

— У кого говорят?

— Люди.

— Чья заявка, пусть тот меня наберёт. Ты скажи им, что обещанное сделаем. Тамара, здравствуйте, если вы рядом.

Катя взглянула на мать. Тамара наклонилась над телефоном.

— Здравствуйте. Катя мне сказала, что вы просили всем говорить, будто автобуса не было.

На секунду шум на той стороне прекратился.

— Я попросил, чтобы до возврата не закрывали свои требования, — сказал Павел. — У этих людей каждый день так: дают им новую бумажку, забирают старую. Сговорятся и объявят, что всё так и задумано. Мы им хотя бы немного денег вынесли. Не ездил бы никто, вы бы мне сегодня спасибо сказали.

— Я вчера водила.

— Я и говорю, спасибо за работу. Позовут меня, всегда подтвердить могу. Частный был выезд. Потом только не удивляйтесь, если люди вам скажут, что их поездка не состоялась. Вы подумайте, какое у них плавание на полученные пять тысяч.

— А получили-то? — спросила Катя.

— Дали сколько могли. Теперь вы мне можете дать пару дней, чтобы остальное узнать? Я с людьми разговариваю.

— Я возила. Если кто вам позвонит, с этого и начните, — ответила Тамара. — А с листа заказа мы ничего стирать не будем. Я и Кате сегодня сказала.

Катя сняла телефон со стола. Подняла к уху и вышла в прихожую. Тамара слышала до конца только «я тебе перезвоню». Затем дочь вернулась.

— И что мне теперь делать? — спросила она.

Тамара вспомнила, как много раз объясняла это Кате, открывая какую-нибудь дверь чужим ключом, пока Катя на полшага позади несла сумки. Сначала нужно бы открыть шкаф, снять верхнюю ручку, подложить коробку. С незапертой дверью прощались только после того, как Катя уже уходила заняться другим и Тамара всё возвращала по местам сама.

— Не знаю, — сказала она. — Мне нужно, чтобы ты сказала Гене, что писала сама. Что автобус пришёл. Прямо ему. Когда сможешь.

— А если эти люди опять у закрытых дверей будут?

— Пусть сама фирма им объясняет, где деньги.

Катя шагнула к окну. Не открыла, только прислонила ладонь к стеклу. Мишка вышел с фонарём и красной резинкой для волос.

— Подержи, — сказал он матери. — Мне батарейки доставать.

Катя подняла фонарь, высветила окошко крышки. Тамара пока одевалась в прихожей, слышала, как они вместе отжимают тугую защёлку. Когда защёлка сдалась, Мишка с Катей обрадовались каждый своим голосом. Тамара нашла на полке перчатку и сунула её назад в карман. На лестнице было темно, общий свет опять погас. Она постояла на коврике, нащупала дверь ладонью и дождалась, когда из квартиры кто-нибудь выйдет.

Глава 7. Две подачи

Утром Тамара пришла в зал раньше Гены. На дверной ручке висел пакет с булочками. Кто-то написал на пакете чёрным: «Валере на рейс». Булочки несли ещё вчера, от них пахло влажной пекарней. Тамара переставила пакет на подоконник с внутренней стороны, где его не достал бы дождь, если бы кто-нибудь открыл окно.

Валера возился во дворе. На ночёвку автобус поставил под стеной, так что вода с кровли всю ночь стекала на заднее стекло. Теперь внизу на стекле остались полосы извести. Тамара заметила полосы ещё от двери. Сначала потянулась за тряпкой, потом всё же пошла в зал. На сегодня Гена дал Валере автобус, вместе с ним дал и стекло. Справляться с этим можно вполне без неё.

Она прибирала около пятого стула, когда пришёл мужчина с плоской чёрной папкой. Он остановился у первой двери, передумал входить и помахал Тамаре через стекло. Тамара открыла. Мужчина протянул ладонь, хотел поздороваться, потом вспомнил, что папка в одной руке, свернутый пакет в другой, и остался стоять перед Тамарой, пытаясь переложить всё сразу.

— Мне Геннадий нужен. Или вы сами со мной поедете?

— Вы заказывали автобус?

— Да я же вчера спрашивал. На праздник везу. У нас деду

восемьдесят. Дед там уже с женой, остальных ближе к обеду надо. Я теперь гадаю, кого первым заберут.

Тамара впустила его в зал, подала смятый листок с расписанием на столе вместо подставки. Мужчина положил туда папку, высвободил руку и тогда уже поздоровался. От пальцев пахло яблоками.

— Геннадий обещал вам автобус. Его сейчас готовят. Откуда первый раз забирают?

— С нашего двора, у аптеки. Я им написал до аптеки, дед не найдёт другую, если опять к нам пойдёт. Вы эту улицу знаете?

Тамара знала аптеку, но остановиться напротив неё с большим автобусом было трудно. Между зданием и двором заканчивался широкий тротуар, и все, кто шёл пешком, именно в том месте выходили на дорогу. Она взяла пустую страницу у него из папки и нарисовала двор. Перед аптекой нарисовала две короткие линии, которые показывали, куда будет открыт вход.

— Пусть все по этой стороне ждут. Валера подъедет так, чтобы потом сразу выехать. И надо заранее решить, где кого поднимать. У вас кто плохо ходит?

— Моя мама. Она по ступенькам вверх совсем медленно. Ей бы махнуть, когда уже подошли.

— Вот у вас в пакете что?

Мужчина посмотрел на пакет с таким изумлением, будто впервые за утро увидел его у себя.

— Кед мамин. Туфли она в другой сумке оставила, потом захотела бежать. Позвонила, он один в коридоре лежит, говорит, ищи там. Ей муж не говорит, что кед старый. Девятый год она в них ходит. Он всё коробки с новыми к ней под нос ставит.

— А она кеды менять не хочет.

— Он знает. Тоже знает.

Мужчина улыбнулся. Тамара успела подумать, что сегодня впервые услышала речь человека, которому не нужно оправдывать отмену. И тут же он вынул из папки ещё один лист и подвинул его к ней.

— Вы мне только скажите, пожалуйста. Вот вчера такое было? Я сначала не хотел больше никому звонить. Я им анкеты заполнял на детский выезд. Всё снялось как раз, когда у нас свой заказ начался. Мне сказали, фирма возврат скоро сделает, если ваш водитель напишет, что не явился. Так было или не было?

Этого он мог спросить у Гены по телефону накануне. Тамара представила, что записывает для мужчины всё, что знает, отправляет из своего телефона и к обеду сама объясняет десяткам людей, почему выезд «Четверг у Волги» и заказ к клубу не одна бумага. Сперва ей захотелось именно так. Мужчина ждал, не убирая руку с папки.

— В четверг мой заказ был подан, — сказала она. — Я из двора выехала с пассажирами и туда же их привезла. Кто из ваших по другим заказам должен был ехать, я не знаю.

Попросите фирму сказать, о каком автобусе речь и кто его заказывал.

— А ваш перевозчик, значит, брать деньги не будет за отмену?

— Я не от фирмы. Перевозчик не получал ваши деньги за детский выезд. На сегодняшний заказ у вас отдельная оплата. Вот ваш лист.

Она повернула бумагу к мужчине. Тот не убрал руку, но ладонь расслабил.

— Оказывается, можно было вчера так и сказать, — произнёс он.

— Я вчера с вами не разговаривала.

— Я про тех, кто мне звонил.

Он сложил рисунок и убрал его вместе с кедом в пакет. Тамара догадалась, что забрать готовый рисунок надо было в папку, но больше ничего не сказала. Во дворе уже шёл Валера, постукивая костяшкой пальца по поясу куртки. Кто-то привёз его утренние булочки, а он про них не знал. Тамара вышла и показала в сторону подоконника.

— Пакет видел?

Он мотнул головой.

— Я ни к чему потом не приучусь.

— Ты на праздник едешь. Есть будет некогда.

— Я и сейчас думал, некогда.

Он сходил за булочками. Пока возвращался, Тамара подала ему одну и обрисовала, как лучше остановиться у аптеки.

Мужчина перебил её, объяснил сам. Пакет с кедом у него уже висел на сгибе локтя, рисунок он успел вынуть и развернуть. Валера посмотрел. Он по-прежнему мог всё устроить иначе, но сперва попросил Тамару подержать булочку, чтобы переставить двор на рисунке вверх ногами.

— Вот сюда, — сказал он. — Вы пройдите минут за пять и там ждите. Туфли тоже берите, пригодятся.

Гена появился, когда автобус уже вывели из двора без зацепки. Он подписал мужчине его экземпляр и оставил себе второй, тоньше первого. Тамара ждала в дверях. Под вечер накануне она обещала, что будет на телефоне, если кто-то захочет уточнить о четверге.

— Этот пошёл, — сказала она.

Гена посмотрел на неё.

— А двое других отказались. Утром позвонили. У них в договоре кем мы только не стоим. Даже если взять всех собой, они считают, что потом придётся ещё раз платить. Им проще не поехать.

— Через «Берег»?

— Второй через них, первый через знакомых. По четвергу мне только про машину пиши, если кто ещё объявится. С их списками я сам сначала подниму свой журнал.

— Тамара. — Гена догнал её на пороге. — Заявки нам отменой прислали. Как раз вчера утром, даже раньше того мужика.

— Кто прислал?

— С общего номера. Я вчера письмо не открыл. В письме про будущие выезды. Придумано хорошо: отдельно уже не повезём, насколько нам известно, вчера отмену допустил перевозчик. Так и написано. В подтверждение просят все заявки снять со своей стороны. Им, может, выгодней, чтоб я сам у себя убрал.

— Сними то, что правда отменено, — ответила Тамара. — Словами. Чтобы было видно, кто первый отказался.

Гена стоял возле двери, на рукаве пиджака у него намокла ткань. Он взял воротник двумя пальцами, будто ощупывал, насколько крепко пуговица держится. Потом сказал:

— Ничего пока не буду снимать. Запрошу у них ответ. Ещё одна суббота наберётся, а там посмотрим.

Тамара спросила, отдаст ли он ей ключ от маленькой машины на два часа. Она поедет к клубу. Ему скажет, что выяснила, и с кем можно разговаривать. За бензин заплатит сама. Гена нашёл ключ среди своих и положил на подоконник.

— У меня один, — сказал он. — Если потеряешь, звонить можно сразу.

— Там хоть ведро с крышкой есть?

Он всё-таки улыбнулся. Буднично, как в другой день улыбнулся бы Валере за рассказ про больничную кассу.

С площадки под окном ушёл голос, низко и негромко кто-то выругался, зацепив багажом металлическую решётку. Тамара увидела Олю в жёлтой куртке. Она по-прежнему тащила тележку, только на этот раз не к себе на работу. Тележка

была раскрыта, снаружи торчала бутылка с водой.

— Это вы к Вере Николаевне? — спросила Тамара.

Оля кивнула. Перехватила ручку, дала одному колесу пройти решётку, отступила на шаг и дотянула второе. Когда тележка поднялась, Оля вынула телефон.

— Я ей распечатала то, что вчера показывала. Без меня не отсылайте в общий чат. У меня тётка туда попадёт, она с вопросами пойдёт, зачем у меня фамилия бабушки. Вот и весь будет разговор.

— А мне пришлёте фотографию, как у вас есть? Я одну Веру возьму, вы с нами хотите?

— На какое время?

— Прямо сейчас, если уговоримся.

Оля подумала о чём-то, постучала телефоном по своему запястью и мотнула головой.

— Я сегодня пообещала маме погулять. Ей от меня ничего не надо, только рядом. Снега пока нет. Сходим.

Она отослала Тамаре снимок и положила телефон в карман. Тамара развернула снимок на весь экран. Край бумаги с подписью и здесь обрезало. Она закрыла фото и набрала Веру Николаевну.

Глава 8. Место для разворота

Вера жила на первом этаже, но её окна с улицы были высоко. Тамара увидела на подоконнике вязаную салфетку и маленького чёрного пса. Пёс стоял передними лапами на салфетке и тянул носом нитку. Когда Вера прошла мимо, он тут же повернулся и умчался в глубь комнаты. Вера постучала в стекло, подождала, показала на поводок, который держала в руке.

— Приучивается ждать, — сказала она Тамаре. — Думает, если отойти подальше, я вернусь за ним. А с ним туда вообще можно? В прошлый раз бы взяла, если бы знала, что на берегу пусто.

Из двери вышел Верин племянник, молодой человек в домашних брюках и осенней куртке. Вера отдала ему поводок. Он свесил его к самому асфальту и так, волоча по плитке, вернулся в подъезд. Вера посмотрела ему вслед и сказала, что теперь пёс решит ждать именно у двери. Она заберёт его у племянника вечером, человеком можно заниматься только по очереди, даже если он пока думает, что хочет заниматься с псом.

Тамара открыла переднюю пассажирскую дверь. У маленькой Гениной машины сиденья были ниже, чем у её автобуса, и Вера сразу нащупала рукоятку над дверью, чтобы помочь себе сесть. Трость Тамара предложила положить меж-

ду сиденьями. Вера примерила её обеими руками и уложила параллельно порогу. Наконечник прижала носком ботинка.

— Я хочу сначала туда, где мы на берегу стояли, — сказала она. — В клубе мне скажут, что ничего не было, а я там всё на ощупь помню.

— В клубе мы у сторожа и спросим.

— Вы будете спрашивать как водитель или чтобы про меня узнали?

Тамара пристегнулась. Ремень потянул за собой край куртки, пришлось расправить.

— Сначала про автобус. Фотографию вашему смотрителю не покажу без вас.

— Оля вам уже дала?

— Прислала, пока я вас ждала. У вас есть копия на бумаге.

Вера сунула ладонь под воротник пальто и достала сложенный лист. Тамара вспомнила, что со своего места, пока Вера сидит, она всё равно не разглядит текст. На верхнем сгибе бумаги было написано карандашом «Олина». Карандаш так глубоко прорезал сгиб на первой букве, что под «О» поднялся бумажный заусенец.

— Там же написано, что деньги получены, — сказала Вера. — Хоть видите вы, кто расписался?

— По такому снимку не могу сказать.

— Да, я и сама не могу. Почерк мой всяко бывает. На длинной бумаге привыкла подписываться сбоку, если стол далеко. Там список передо мной лежал. Я прочла, за кого

деньги собирала и какая сумма стоит. За это и расписалась. Чтобы там было про получение всех денег, такого я не видела.

— А когда вам заплатили?

Вера коротко оглянулась на дом. Пса в окне уже не было. За окном жила только салфетка, сдвинутая к стеклу.

— Дали у клуба, — сказала Вера. — Если сейчас открою сумку, увидите. Я Оле уже часть дома показала, при племяннике. Он ещё спросил: хотите, я на свои добавлю, чтоб не поругались. С чего я буду его деньги брать? У меня самой есть чем заплатить. Они дождались, пока мы сели в автобус, и сказали, что позже всё вернут. Если не подпишем раньше времени у фирмы ничего. Я сегодня утром уже думала, может, отдам из своих, лишь бы меня под магазином караулить перестали.

Тамара включила зажигание. Машина заговорила чужим для неё звуком, с тихой дрожью под капотом. Вера положила лист в сумку и закрыла молнию.

— У неё муж мне даже «здрасьте» не сказал, — продолжала Вера. — Обычно говорит. Я уж думаю, может, на меня совсем обиделись. Оказалось, у него просто зуб отняли с утра. Он только рукой махал, чтоб я быстрее у себя дверь открыла. Оля мне объяснила. Пока будем ездить, все успеют решить что-нибудь ещё.

Тамара выехала со двора. Не сразу смогла переставить правую руку, на старом месте не было подлокотника. Вера

перестала говорить, когда машина повернула на общую дорогу. Тамара высоко сидела только в автобусе. Здесь при выезде приходилось бросать взгляд даже туда, где с автобусного кресла видно было бы сразу две полосы. Она подала знак машине, которая ждала перед узким выездом, и увидела, как водитель в ответ выпрямил большой палец. Въехать успели оба.

За городом под колёсами прошуршал песок. Вера помолчала, пока мимо шли длинные мокрые насыпи. Под стеклом справа осталась полоса воды, её не доставала щётка.

— Земля сухая уже, — сказала она и показала в сторону невысокого гребня. — А если наверх, видно, где третья лавка. Помните её?

Тамара помнила край дороги и столб с табличкой, у которой от времени стёрлась одна цифра. Лавки утром могли быть незаметны. В четверг, пока пассажиры гуляли, она переставила автобус на гравий, чтобы не перекрывать въезд следующей машине. На гравии было столько места, что люди шли вдоль берега, не подходя к автобусу. Вера размахивала рукой маленькому мальчику, которого не привезли с группой. Мальчик сидел на корточках у ручья и бросал в воду ветки. Вера тогда вернулась к автобусу за бутылкой и, найдя воду, забыла свой шарф на сиденье. Катя заметила шарф и понесла его к лавке, где снова села Вера. У мальчика теперь была белая ветка в его рост. Тамара видела её из кабины.

— Где удобнее встать? — спросила она.

Вера показала вправо. Место оказалось дальше, чем помнилось, хотя она показывала точно. Тамара объехала две лужи, не полезла на глину, откуда потом встанешь и не сдашь назад, и поставила машину носом к обратной дороге. Через стекло виднелась третья лавка. На сиденье кто-то оставил железную кружку. Она так и стояла ручкой вверх, будто в ручку потом предстояло вставить человеческий палец.

Они вышли. Тамара подала Вере трость с той стороны, откуда удобнее ставить наконечник. Вера попробовала землю и пошла по гравию довольно быстро, так что Тамаре пришлось остановиться у лавки и дождаться, пока та вернётся. Вера прошла до нижней ступеньки, за которой начинался спуск к воде, и только тут развернулась.

— Вот тут утром всё и собиралось, — сказала она. — Мы сперва решили, что идём на экскурсию. Павел сказал, пусть люди пройдутся, пока столы подготавливают. У него зонтик уже сложен был. Я добралась до лавки и села, не хотелось потом опять вставать.

— Вы это утром видели?

— Или после возвращения от воды. Снимите с лавки кружку, пожалуйста. Я при вас посижу минуту.

На дне кружки шумела вода. Тамара вылила её на гравий и поставила кружку на землю возле ножки. Вера села, притянула трость к себе. Не было слышно ни мотора, ни разговора. Только с воды поднимался ветер. Он шёл вдоль низкого ограждения, на мгновение тормошил высокий сорняк и

брался за край пальто.

— Там на обратной дороге я ещё просила Катю меня пораньше выпустить, — сказала Вера. — Хотела пройти к остановке, подумала, вы меня высадите. Потом решила, что доеду со всеми до офиса. Павел сказал, так вам проще.

— Мне проще, когда человек точно знает, куда ему надо.

— А когда все знают разное?

— Тогда спрашиваю по одному. Не до разворота же.

Вера усмехнулась. Над ручкой её трости собрались две ладони. Она помолчала, сняла верхнюю и вытерла нос рукавом.

— Вы здесь, в городе, всю жизнь водили?

— С перерывами. На самой первой работе у меня хозяин завёл автобус и надел такой воротник, у него уши из-под воротника не торчали. Сел рядом. Я, как только заднюю включила, спросила, куда смотреть. Он молчал. Я опять. Он мне показал: «В зеркало». Потом на второй день сказал: «В зеркало». На третий день я уже не спрашивала. Знала, что воротник ему мешает слышать. А он со мной потом неделю ездил без замечаний.

Вера улыбнулась шире. Сняла ладонь с трости. С ветра на глаза у неё навернулись слёзы, она моргнула, ни одной не смахнув.

— Я Оле всё про свои пять тысяч сказала, — произнесла она. — Кому мы сюда за чем ехали, тоже ещё расскажу. Только я и теперь не знаю, какая из наших бумаг у них стала

расчётом.

Тамара не стала доставать телефон или фотографию. Просто спросила, готова ли Вера идти. Вера поднялась, потрогала ладонью скамейку, на этот раз не оставила на ней ничего. Кружку Тамара хотела поднять обратно, но оставила внизу, где с неё могла стечь вода.

От берега к клубу шла дорожка, посыпанная тем же гравием. Сверху уже виднелась одноэтажная постройка, а у неё два входа. Вера показала на дверь справа, возле которой стоял веник. Тамара помнила второй вход, куда в четверг подавала автобус и куда выходила Катя. Сегодня она шла пешком. С этой стороны она впервые увидела их обеих в один взгляд: дверь с веником, другую дверь без ступенек и лёгкий скат от клуба к берегу. Вера остановилась на скате и подождала, пока Тамара встанет рядом.

Глава 9. Второй стол

Вера первой поднялась по дорожке. На ровном месте она поставила трость перед собой и довольно долго смотрела на пустую лавку у клуба.

— Вы сейчас присядете, — сказала Тамара.

— Если сяду, мы сюда зря приехали. Подождите, сейчас отпустит.

За лавкой стоял низкий клуб. Над входом висела афиша про занятия с детьми, под ней виднелись две белые полосы, оставшиеся от прошлой афиши. Дверь с этой стороны была чужая для Тамары. В четверг она видела перед собой торец здания и щербатый край бетонной площадки. Катя показывала ей ладонями, сколько можно ещё проехать, потом сдалась, подбежала к открытому стеклу и сказала: «Ещё с мой портфель».

Тамара повела Веру по дорожке вокруг клуба. От воды тянуло холодом. У обозначенного жестяным ведром поворота она наступила на ребро камня, и Вера теперь сама дала ей руку.

— Там не было ведра, — сказала Вера.

— Было с другой стороны. Они им подпирали дверь.

— Значит, не забудем, что оно ходит.

В дверном проёме стоял человек с гладильной доской. Он повернул её ножками к себе, пропустил женщин и вышел,

стукнув ногой о порожек.

— Куда это? — спросила Вера.

— Ножка не держит. Хочу подложить что-нибудь. Вы на занятия?

— Мы у вас третьего дня были, — сказала Тамара. — Автобус подгоняла к двери. Вы мне ещё кинули, что здесь разворачиваются только два раза. Первый и последний.

Человек с доской хмыкнул. Нагнулся, провёл пальцем по ребру резиновой накладки, съехавшей с ножки.

— Ну, вас я узнал. Ваш автобус у меня весь порожек в грязи извазюкал. А вы?

Вера переставила трость так, чтобы взгляд не упирался в доску.

— Я с ней ездила. Вера.

— Аркадий. Нужна вам доска? Я так её поставлю, чтоб посидеть можно было, если другую ножку не оторвёте.

Он отнёс доску к стене, вернулся с простым кухонным стулом и поставил его в проёме поперёк. Вера посмотрела на стул, потом на Аркадия.

— Не посижу, спасибо. Зайти можно?

Короткий коридор от боковой двери выходил в комнату с двумя окнами. Одно открывалось во двор, другое к реке. От реки был виден только дальний берег. На ближнем высоко торчали какие-то оструганные жерди. У стены стояли два стола, один тёмный, другой со светлой столешницей, составленной из узких досок. На светлом стопками лежали листы

цветного картона. На тёмном были краски и раскрытые коробки с кистями.

Вера поискала глазами дверь в соседнюю комнату и прошла к краскам.

— Там чаём поили, — сказала она. — Выходили с кружками.

— Там и сейчас чай можно пить, если уши не закрывать. Кипятильник я вынул. А кружки поставил наверх. Мелкую всю неделю спрашиваю, за что она свои кружки выкидывает. Нашёл две в батарее.

Тамара посмотрела в комнату. Чайник стоял на табурете возле розетки. На столе не оказалось ни чашек, ни блюдец. Чайные чашки Аркадий и впрямь расставил на высоком шкафу, ручками вперёд. Тамаре захотелось снять хотя бы одну. Она выехала без завтрака, а у Веры в машине шуршал пакет со сдобой, которую никто не доставал.

— Мы вот тут сидели, — сказала Вера за её спиной, приложив ладонь к светлой столешнице.

— Стол с четверга переставили, — сказал Аркадий. — Под окном был. Широкой стороной.

Вера посмотрела на ближнее окно. Свет от него падал в её сторону, но в четверг она, по её словам, сидела к нему спиной. Она взяла трость покороче, за самый ствол, провела ножку стула сквозь узкий зазор между столами и поставила стул к окну, не садясь. С этого места в дверях вполне можно было разглядеть каждого, кто входил.

— Справа переложите, — сказала Тамара, когда Вера собралась снова перехватить трость. — Дайте её мне, стол можно подвинуть.

Вера помедлила и всё-таки отдала трость. Они с Аркадием взялись за стол с двух сторон и двинули его туда, где он стоял в четверг. Одна ножка тут же легла на старую царапину. Тамара приложила стул к передней кромке, чтобы Вера забрала трость, не нагибаясь.

— Вот сейчас верно, — сказала та. — Отсюда дверной косяк закрывал бок. Тут я и ждала. Я думала, нам всем вместе объявят.

— А вас вместе и не созывали, — ответил Аркадий. — Одни пришли через двор, одни с воды. Все спрашивали, далеко ли берег, пока ваши двое по папкам что-то раскладывали.

— Какие двое?

Он отдёрнул край картонной пачки, который упирался в Верин локоть.

— Как его. У него белая ручка на зонте. Смешная. А с ним ваша девушка.

— Катя, — сказала Тамара.

— У неё имя спросил, это у него не спросил. Ей ещё короб сюда положил. Дно промокло. Если бы они его сложили, всё хорошее лежало бы сверху. А они поставили как есть, потом не знали, куда деть мокрый низ.

Тамара вспомнила, как в четверг уже после остановки у

клуба Катя открыла багажник. Тамара видела из кабины, как дочь вынула короб и зажала его между собой и стеной, чтобы толкнуть носком дверь. Из рук в руки короб при ней больше не переходил.

— Содержимое видели?

Аркадий подошёл к столу с красками и вытер рукой мокрый след от стаканчика. Сразу сдул с ладони прилипшую ворсинку.

— У них бумага к днищу прилипла. Я им сухой лист дал, чтоб стащить, а то всё бы вместе снялось. Там листы были. Одинаковые, в клетках таких, больших. Рядом ещё пачка тонкая под резинкой. Она в пакете была, сухая. Сверху короб почти пустой.

— Видели, что на листах?

— Видел, что на одном поплыла бумага там, где скрепили угол. Читать мне никто не дал. Я за своими кистями пришёл.

Он оглянулся на дверь, подошёл к шкафчику под вторым окном и приоткрыл его ногой. Там под пачкой старых газет стоял серый короб с прорезью. Когда Аркадий вытащил его на свет, газеты поехали за коробом и легли поперёк прохода. Вера прижала их тростью. На ближнем боку короба тянулся контур от оторванной полосы скотча и три фиолетовые звезды.

— От викторины остался, — сказал Аркадий. — Паша его ещё летом брал. Я забрал пустой. Выкинуть жалко, дно вырежу, детям на поделки пойдёт.

— Паша, значит?

Аркадий усмехнулся.

— Это для вас он, может, Павел. Хотите, пожалею парня и по отчеству назову?

Тамара опустилась на корточки и собрала газеты. Поздно заметила, что спрятала под ними чью-то маленькую кисть с зелёной ручкой. Аркадий задвинул короб на место, кисть вытащил сам, положил отдельно. Вера стояла у светлого стола и снимала с ладони длинную нитку белого картона.

— Я хотела спросить, когда здесь человек с зонтом вошёл, — сказала Тамара. — Мне показалось, он через эту дверь вместе с остальными.

— Он с воды пришёл. Шёл кругом. Зонт до самого крыльца не собрал. Все уже где-то сидели, а я ждал возле двери, дуло.

Под низким потолком возле стены горела одна длинная лампа. Тамаре казалось, что она помнит её, но откуда ей было помнить лампу, если в четверг она не входила дальше коридора? Снаружи она держала на весу бордовый купол, а Павел дёргал оконную ручку. Ей запомнился смех человека, стоявшего за ними. Это могло произойти лишь позже. Они складывали зонт у автобуса, когда Павел вернулся к нему с двумя стаканами, вставленными один в другой.

— Я помогала ему закрыть зонт позже, — сказала она. — У автобуса. Вы его видели открытым, когда он сюда пришёл, правильно?

Аркадий кивнул.

— Я держал вход. Они оба у противоположных дверей были. Он уже в помещение пошёл, а девушка тогда короб уронила на одну сторону. Она его с плеча снимала, что ли. Видел, как взяла уже за бока.

— Значит, пока мы спускались, он готовился войти, — сказала Вера. — А потом я первая к нему подошла.

Она произнесла это так уверенно, что Тамара сперва представила, как Павел приветствует её у стола. Но Вера вдруг сдвинула стул с места и обошла стол с другого края.

— Нет. Я не первая. Пока я тут возилась, возле двери кто-то мне уступил. Пакеты разложила, трость поставила, снова взяла. Я на этой ноге в четверг могла сделать только десять шагов, потом стояла, будто окно рассматриваю.

Она поставила стул спинкой к столу и села лицом к реке. Тамара подождала, пока ей станет удобно, и села на широкий подоконник. Аркадий отступил к шкафу. В руках у него так и осталась маленькая кисть.

— Кто деньги выдавал, вы видели? — спросила Вера.

— Я видел, что у ваших какая-то очередь, — ответил Аркадий. — Сюда пришёл коврик попросить, на том и всё. В чайной девочка была, спросите её, когда выйдет. Но она возле чайника одна, оттуда что видно?

Вера достала сложенную распечатку и протянула её Тамаре. Та развернула лист к окну. На снимке правый край документа был в тени. Были видны дата, Верины фамилия и

инициалы, слова «возврат получен». Росчерк уходил в тень и обрывался на краю кадра. Тамара могла поручиться только за то, что различала напечатанное имя.

— Здесь не такая поверхность, — сказала Вера.

— По чему вы видите?

— Тут же светлые доски. А там что-то чёрное под листом с боков.

Аркадий наклонился к снимку. Потом показал на тёмный стол, где стояли краски.

— И тень жёлтая. У нас на том столе лампа, если рисуют. Сегодня снял, дети за провод дёргают. И чёрная столешница. Только я не скажу вам, что снято здесь. Вон какое поле маленькое.

Вера сложила распечатку и убрала в сумку. Из кармана выпала салфетка, Тамара подняла её и положила перед Верой. Та просидела ещё немного. У самого окна на столешнице блестели три мокрые точки от сырого картона. Аркадий принёс из чайной чашку воды и, прежде чем поставить, спросил, есть ли у Веры обе руки свободные.

— Теперь есть, — сказала она и сама отдала Тамаре трость.

* * *

Доску они всё-таки вынесли на воздух. Аркадий положил её вверх ножками на лавку, Тамара придержала край, а Ве-

ра нашла под афишей винт. Он оказался слишком тонкий. Аркадий унес винт в чайную и вернулся с двумя пробками, толстыми, чуть помятыми. Одну подрезал ножом и вогнал в накладку. Тамара держала доску ногой, пока он насаживал накладку на ножку. Вера стояла у стены, заслоняя от ветра обёртку, куда Аркадий завернул срезанное.

Со стороны реки дотянулся глухой стук. Видимо, на воде работала лодка, но с дорожки её не было видно. Тамара помогла Аркадию поставить доску у двери. Высота вышла разной на двух концах.

— Сойдёт, — сказал он. — Им всё равно ещё только учиться гладить.

— Вот и научатся по наклонной.

Он убрал доску в коридор, улыбнулся. Вера двинулась к площадке следом за Тамарой, но по дороге остановилась у ведра. Внутри лежал тёмный камень, на дне стояло немного дождевой воды.

— В четверг Паша мне помог сесть в автобус, — произнесла она. — Теперь будто бы и этого сказать нельзя. Я только сказала, что сама дошла. А без него, может, в дверь не влезла бы.

— В дверь влезли. Я видела, — отозвалась Тамара. — На ступеньке он стоял ниже вас и держал ваш пакет.

Вера попробовала перешагнуть через трещину на бетоне, вернулась на полшага и нашла место без края. Теперь Тамара шла рядом. Не подала руку, пока Вера сама не подала свою.

У машины им мешало ветром распахнуть дверцу. Вера прижала тростью край пальто, Тамара обошла машину с другой стороны и потянула рычажок изнутри. Вера села, взяла на колени пакет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.